

Тот молодой человек — юный глава Школы Меча Хэншань Ян Сун. На этот раз Нин Цин даже не пришлось объяснять, где именно тот находится, Мо Линъюнь и сам сразу понял, что среди приближающейся группы людей во главе идет именно юный глава Школы Меча Хэншань. Кудесники всегда крайне щепетильно относились к порядку построения: тот, кто шел впереди всех, несомненно, являлся самым влиятельным и весомым лицом в своем объединении.

Юнь Цзин, которая до этого молча выслушивала представления Нин Цина, внезапно подала голос:

— Ян Сун — просто дурак, можешь не обращать на него внимания.

— М? — Мо Линъюнь не понял, с чего бы это, а Нин Цин к тому же даже не стал возражать Юнь Цзин.

Лишь когда процессия Школы Меча Хэншань удалилась, холодное выражение на лице Юнь Цзин немного смягчилось. И не успел Мо Линъюнь расспросить ее о прошлых обидах и давних счетах с этим юным главой, как в их беседу кто-то вмешался.

— Какая же у младшей сестрицы Юнь буйная страсть к спорам. Неужели в обычные дни ты отзываешься обо мне точно так же?

Этого человека Мо Линъюнь знал — это был Нань Сиюань, глава Обители Чжуннань. Он выглядел истинным небожителем, сошедшим с небес, а поговаривали, что его искусство гадания и вовсе достигло невероятных высот, впитав в себя самую суть даосского учения. Обычные заклинатели, лишь услышав его имя, обязательно почтительно отзывались о нем как о мастере, чьи предсказания никогда не знают ошибок.

Впрочем, личное мнение Юнь Цзин о нем сводилось к тому, что он лишь с виду человек, а внутри — суцая свинья, да к тому же с чернейшей душой.

Мо Линъюнь никакой черноты в душе Нань Сиюаня не заметил, а вот лицо у того было и впрямь весьма бледным.

Юнь Цзин издала короткий смешок:

— Ты не просто дурак, ты свинья, да еще и в кубе.

— Младшая сестрица Юнь так сильно меня недолюбливает? — Нань Сиюань ничуть не рассердился.

— Ты только сегодня об этом узнал? — Юнь Цзин не стала ходить вокруг да около. Нань Сиюань был из тех людей, что способны довести до белого каления: в словесном споре его не одолеешь, а выругать так, чтобы полегчало, не получается. К тому же оба они специализировались на искусстве талисманов, но назло ей Нань Сиюань, будучи с ней одного

поколения, постоянно норовил прижать ее по всем фронтам. И каждый раз, когда она бесилась от злости, этот негодяй продолжал улыбаться самым доброжелательным образом. Разве это не бесило? Разве это не выводило из себя?!

— К чему младшей сестрице Юнь так относиться ко мне? Если посчитать, мы ведь восходим к одному источнику.

— Дай только моему наставнику услышать эти слова, и ты, боюсь, больше не захочешь ступить на порог Секты Сюаньтянь.

Юнь Цзин не уступала ему ни в едином слове, не позволяя взять над собой верх.

Впрочем, даже дразнить людей нужно в меру, и Нань Сиюань совершенно естественно сменил тему:

— Я прибыл сюда ради товарища Нин.

Поскольку они не могли до конца разобраться, у кого из них старше поколение, им оставалось лишь называть друг друга нейтральным словом товарищ.

— Пожалуйста, говорите, даосский наставник.

— Я слышал, что за Залом Чуньлань раскидистая бамбуковая роща. Не знаю, посчастливится ли мне воочию взглянуть на нее?

— Разумеется.

Обмениваясь вежливыми любезностями, они удалились бок о бок.

На месте остались лишь ошеломленно переглядывающиеся Юнь Цзин и Мо Линъюнь.

— Мы что, оба выпали из памяти дяди Нина?

— ...Похоже на то?

Люди столь утонченные и сдержанные, как Нин Цин и Нань Сиюань, всегда изъяснялись окольными путями. Стоял уже осенний сезон, и та самая густая бамбуковая роща давно подернулась первыми признаками увядания, а пожелтевшие листья то и дело срывались и кружились под налетевшим ветром.

Обмениваясь лишь обрывочными фразами, они шли вперед, причем Нань Сиюань не выказывал

ни малейшего смущения. Напротив, он вдруг произнес:

— Я бы хотел погадать для товарища Нина.

В глазах Нин Цина мелькнуло сомнение, но отвечать отказом наотрез он не стал и лишь мягко ответил:

— Заглядывать в тайны небесного промысла не идет на пользу самому себе, так что в этом нет нужды.

Нань Сиюань улыбнулся:

— Не хочется или не смеешь?

— ...Это тебя не касается.

Уловив в словах Нин Цина нотку отторжения, Нань Сиюань улыбнулся еще шире. Он повернулся и не спеша зашагал обратно той же дорогой, бросив на ходу:

— Все эти узлы кармы имеют свойство зарождаться и увядать, а в конце концов наступает час новой встречи.

Нин Цин не был уверен, что именно имел в виду Нань Сиюань, а потому промолчал.

Все его тайны были сокрыты в тех десяти годах, что он провел в одиноких скитаниях, а возможно, уходили корнями и в еще более далекое прошлое.

\*\*\*\*\*

Утренние занятия в Секте Сюаньтянь начинались еще до того, как брезговал рассвет. Ученикам разного уровня подготовки назначались разные уроки: день тех, кто еще не завершил общие дисциплины, начинался с громкого хорового чтения книг, в то время как остальные приступали к занятиям с поглощения и очищения дыхания духовной энергии неба и земли.

Очевидно, Мо Линъюнь принадлежал к той категории, что предавалась громкому чтению.

Восседавший на возвышении Нин Цин сидел, скрестив ноги в позе лотоса — было совершенно непонятно, то ли он задремал, то ли просто закрыл глаза, чтобы присматривать за их учебой. Мо Линъюнь украдкой огляделся по сторонам: все ученики старались изо всех сил, один усерднее другого, и под утренний звон колокола распевали великие труды прошлых могущественных наставников.

Утренние занятия шли не только у их собственных учеников. Адепты пути дао всегда славились

строгой дисциплиной, даже находясь на чужой земле; бамбуковая роща шелестела на ветру, и ученики Обители Чжуннань во главе с Нань Сиюанем методично повторяли основы владения мечом.

В тот самый миг, когда смолк колокол, возвещавший об окончании утренних занятий, Нин Цин открыл глаза. Его взгляд был необычайно мягким и умиротворенным. На столе еще оставался полуоткрытый фолиант, исписанный сложнейшими примечаниями, но стоило ему легко взять свиток в руку, как от этого жеста повеяло изысканной утонченностью.

Ученики стали расходиться по двое и по трое, оживленно обсуждая церемониальный помост, который должны были полностью достроить уже через пару дней — судя по всему, он с легкостью смог бы вместить тысячу зрителей, желающих наблюдать за церемонией.

Нин Цин убрал книги, но стоило ему лишь бросить взгляд за пределы зала, как он заметил своего старшего брата по секте, который скромно дожидался его в соломенной шляпе. Мо Линъюнь, подпрыгивая на ходу, поспешил к нему, в то время как попадавшие по пути ученики, даже узнав старшего, не смели выказать ничего, кроме почтительного мимолетного взгляда.

То, что их главный наставник терпеть не может шум и суету, было секретом Полишинеля.

Две высокие фигуры зашагали рядом, оживленно обсуждая что-то забавное, и Мо Линъюнь пододвинулся к Цзин Жуну еще немного ближе.

Нин Цин, глядя на них, невольно тронул уголками губ улыбку. Старший брат Цзин всегда казался отстраненным и холодным, но ради этого ученика он нарушил свои правила бесчисленное количество раз. Нин Цин думал, что для старшего брата пойти на поводу у мирских забот и человеческого тепла, возможно, даже полезно для закалки его духа.

Праведные заклинатели предпочитали светлые, неброские одежды, и форменное облачение Секты Сюаньтянь тоже тяготело к сдержанным синим тонам с неброской вышивкой серебряными нитями, лишенной каких-либо излишеств. Наряды учеников различались в зависимости от их ступеней и рангов, и лишь те, кто уже получил статус старейшины или достиг стадии Зарождающейся Души, могли позволить себе носить повседневную одежду по своему вкусу в свободное от дел время.

Мо Линъюнь ничего этого не знал, а вот Цзин Жун не мог не знать, однако он молчаливо позволял парню разгуливать всюду исключительно в черных одеждах, если только не шли занятия.

Он всё еще помнил, как Юнь Цзин, впервые заметив это, принялась гладить несуществующую бороду и с чувством произнесла:

— Слепая родительская любовь до добра не доводит.

— Младшему племяннику так нравится, ну и пусть, — педагогические взгляды Нин Цина и Цзин Жуйна во многом совпадали, а потому подобных терзаний он не разделял.

— Старший брат, я тебе вот что скажу: выдающихся людей рождает только палка.

— Секретарь Цин Сюань снова тебя наказал?

— Это... это?! Да ничего подобного!

...

Незадолго до начала церемонии принятия учеников они устроили небольшую встречу. Хозяином выступил Нин Цин, пригласивший самых одаренных адептов одного поколения с Мо Линъюнем. В этом была и воля Цзин Жуна — когда Нин Цин спросил, не присоединится ли тот, Цзин Жун отказался:

— Пожалуй, не стоит. Раз ты там, младший брат, я спокоен.

Подумав немного, Нин Цин решил, что без Цзин Жуна будет даже лучше. Задуманный как повод для молодежи завести знакомства, этот междусобойчик потерял бы всякий уют, явись туда такой уважаемый человек, как Даоцзюнь Зарождающейся Души Цзин Жун — рядом с ним едва ли кто-то смог бы чувствовать себя непринужденно.

Местом сбора Нин Цин выбрал площадку неподалеку от абрикосовой рощи на Пике Цинъюнь. Как раз подходил к концу сезон сбора урожая, людей вокруг почти не было, а Пик Цинъюнь по общему признанию считался местом с удивительно живописными пейзажами, так что лучшего уголка для небольшого пиршества и придумать было нельзя.

На встречу собрались главным образом восходящие звезды праведного пути, однако по-настоящему знакомы Мо Линъюню были лишь Нань Сиюань из Обители Чжуннань, а также Дуань Чанкун и Чанчуань Вэйюэ из Академии Чанчуань.

Благодаря усилиям Нин Цина атмосфера царилась легкая и непринужденная. Молодые заклинатели обменивались именами и самыми общими сведениями, и для такого неискоренимого оптимиста, как Мо Линъюнь, влиться в эту компанию оказалось проще простого.

— А людей из Обители Иного Мира не позвали? Кажется, они тоже считаются подающими надежды новичками? — Юнь Цзин делала небольшие глотки рисового вина — редкий случай, когда она пила и при этом не собиралась никого ругать, а потому упускать такую возможность не намеревалась.

— Пригласили, глава Шу и Ян... — Нин Цин не успел договорить, как сидевшая неподалеку Чанчуань Вэйюэ принялась отчаянно жестикулировать, требуя замолчать.

А сидевший рядом с ней Дуань Чанкун поперхнулся чаем, который медленно потек у него из уголка рта. Лицо молодого красавца, еще мгновение назад сиявшее улыбкой, в один миг исказилось.

Одетая в школьное платье цыплячье-желтого цвета Чанчуань Вэйюэ подтянула подол и подбежала к Нин ЦИНУ и Юнь Цзин, шепотом пояснив:

— У моего старшего брата... есть одна маленькая особенность...

При этом она смущенно показала жест.

Юнь Цзин моргнула, медленно протянула палец, указывая на голову, и тихо спросила:

— Здесь?

Они переглянулись, и на мгновение повисло молчание. Поразмыслив, Чанчуань Вэйюэ осторожно ответила:

— Младшая наставница, если вы выразились так, то, пожалуй, тоже не погрешили против истины...?

Совершенно не подозревая, что стал предметом столь тонких намеков, Дуань Чанкун вытащил платок, вытер следы чая с губ и уже собирался сделать глоток чистой воды, чтобы прийти в себя, как вдруг услышал, как другие молодые таланты неподалеку принялись рассуждать:

— Слыхали, этот господин Янь невероятно жесток и коварен, поговаривают даже, что он убил своего учителя ради достижения Дао.

Тьфу!

Дуань Чанкун выплеснул изо рта всю воду целиком. Он бросил леденящий взгляд на того заклинателя, который осмелился упомянуть Янь Хуая, и того мгновенно словно ветром сдуло. Этот же взгляд успешно напугал и Чанчуань Вэйюэ, которая как раз собиралась все разъяснить Юнь Цзин, так что она бросилась обратно к нему.

— Старший брат, ты как?!

— Прошло столько времени, а реакция все еще такая бурная? — Нань Сиюань, который уже заглядывал с лекциями в Академию Чанчуань и прекрасно знал причину столь неприглядного поведения Дуань Чанкуна, любил поглазеть на чужие неприятности и упускать момент не собирался.

Дуань Чанкун, обычно болтливый настолько, что окружающим непременно хотелось наложить на него заклятие немоты, на этот раз хранил редкое молчание. Обессиленно бросив взгляд на Нань Сиюаня, он снова безвольно опустился в объятия собственной младшей сестрицы.

Нин Цин и Юнь Цзин переглянулись. Глядя на столь непостоянное поведение главного ученика, не припадочный ли он часом?

К счастью, Чанчуань Вэйюэ поспешила внести ясность: Дуань Чанкун был абсолютно здоров, просто у него наблюдалась острая аллергия на Янь Хуая. Стоило услышать хоть что-то связанное с этим именем, как его начинало мутить, а в тяжелых случаях даже подкатывала тошнота и кружилась голова.

Как выяснилось, люди поистине обожают зрелища. Выслушав объяснения Чанчуань Вэйюэ, Мо Линъюнь оживился, его глаза загорелись, и он тут же поинтересовался:

— Младший брат Дуань, а почему ты так ненавидишь этого господина Яня? Он что, такой страшный? Или...

Зрачки Дуань Чанкуна сузились, он вцепился пальцами в подол платья своей сестрицы и с трудом прервал его:

— Не надо при мне о нем...

— Чего... — Мо Линъюнь хотел было продолжить расспросы, но Нин Цин вовремя пресек это на корню, в то время как остальные заклинатели, затаившие дыхание в ожидании продолжения спектакля, выглядели разочарованными.

Однако, раз уж сам хозяин объявил о завершении собрания, оставаться дольше было неловко. По очереди отдав дань вежливости и попрощавшись, все разошлись.

Опираясь на поддержку Чанчуань Вэйюэ, Дуань Чанкун поднялся на ноги. С благодарностью взглянув на Нин Цина, он произнес:

— Спасибо, младший наставник, вы поистине прекрасный человек.

— ...Не за что. — Нин Цин сохранял невозмутимое достоинство старшего поколения, хотя на деле был едва ли старше собравшихся — просто его ранг стоял неизмеримо выше.

Не добившись ответа на свой вопрос, Мо Линъюнь с некоторым разочарованием проводил взглядом уходящего Дуань Чанкуна. Заметив, что Нань Сиюань еще не ушел, его глаза вновь засияли любопытством. Он поспешил догнать даоса и заговорил с неподдельным жаром:

— Даосский наставник Нань, даосский наставник Нань! Нам ведь по пути, давайте возвращаться вместе!

— С удовольствием.

Наблюдавший за всем этим со стороны Нин Цин чувствовал себя весьма умиротворенно:

— Младший племянник Линъюнь тоже наконец осознал важность поддержания хороших отношений с другими адептами.

— Вовсе нет, старший брат, мне кажется, он просто хочет выведать скандальные подробности из жизни главного ученика Академии Чанчуань.

Пророчество Юнь Цзин сбылось: уже ближе к вечеру она услышала от Мо Линъюня все свежие сплетни. Оказалось, что вражда между Дуань Чанкуном и Янь Хуаем уходит корнями еще в те времена, когда Дуань Чанкун даже не переступил порог Академии Чанчуань.

В те годы Дуань Чанкун носил гордое звание юного главы Долины Царя Лекарств и был пылким юношей, твердо вознамерившимся стать величайшим мастером меча в Поднебесной. Как раз тогда под видом обычного подмастерья в Долину Царя Лекарств проник Янь Хуаю.

Этот молодой господин из Долины Лекарств обожал вызывать всех подряд на поединки и проверять свое мастерство владения мечом. Но чему хорошему могли научиться лекари? К тому же он был юным главой, и все неизменно поддавались ему из уважения. Дуань Чанкун искренне уверовал, что не знает поражений среди равных, а титул первого мастера меча уже практически у него в кармане.

И вот в тот самый год его пылкий юношеский пыл столкнулся с непреодолимой стеной по имени Янь Хуаю.

Новичок-подмастерье был молчалив и угрюм, и сколько раз Дуань Чанкун ни звал его скрестить мечи, тот неизменно отвечал отказом. Но Дуань Чанкун не унимался и с воодушевлением уговаривал:

— Давай же, ну давай! Я дам тебе фору в три удара.

Как выяснилось, мастерства у того было хоть отбавляй, и никакая фора не помогала.

В один прекрасный день Янь Хуаю, судя по всему, смертельно надоели эти докучания, либо он уже успел выкрасть все секреты, какие планировал, и наконец принял вызов Дуань Чанкуна.

Деталей того боя Дуань Чанкун рассказывать категорически отказывался, однако поговаривали, что тогда Янь Хуаю преподал ему жестокий урок человеческого смирения, да заодно переломил пополам его любимый и непобедимый меч, с которым тот не расставался с самого детства.

Случившийся позор в конце концов и подтолкнул Дуань Чанкуна к тому, чтобы покинуть покровительство собственной секты и отправиться на закалку в Академию Чанчуань.

Выслушав эту историю, Юнь Цзин лишь цокнула языком от удивления: сколько же грехов на совести этого Янь Хуая? Если бы он не укрылся в Обители Иного Мира, очередь желающих

преследовать его и покончить с ним растянулась бы от края до края земли.

— Не факт, что кто-то посмел бы преследовать его открыто, — объективно заметил Нин Цин, излагая факты. — Нынешний уровень культивации Янь Хуая достиг как минимум стадии Золотого Ядра, к тому же он признанный мастер ядов и первый среди лекарей-призраков. Не говоря уже о его ядах, судя по истории с младшим братом Дуанем, в искусстве меча он тоже преуспел немало. Тот, кто решится вести на него охоту, рискует сгинуть безвозвратно.

Подумав об этом, Нин Цин невольно вздохнул:

— К счастью, он примкнул к Обители Иного Мира. Если бы он подался на путь демонов, головной боли у нас стало бы еще на одного человека больше.

— И то верно, — согласно кивнула Юнь Цзин. — Но сколько бы разных версий о нем ни ходило, я ведь так ни разу и не видела его вживую, а теперь даже захотелось взглянуть на него.

Сам Нин Цин не испытывал к Янь Хуая никаких особых чувств. В общении с людьми он всегда держался безупречно, проявлял учтивость и внешне казался мягким и вежливым, однако в глубине души был холодным и отстраненным, так что подойти к нему близко на самом деле удавалось далеко не каждому.

Цзин Жун же был его полной противоположностью: внешне отстраненный, он обладал на редкость мягким сердцем и действительно заботился о тех, кто был рядом. Просто из-за того, что он от природы не умел и не любил общаться, титул холодного и неприступного Даоцзюня Жунсе разошелся по всем уголкам Поднебесной.

<http://bllate.org/book/20174/2009550>